

УДК 94(571.150).084.6

ББК 63.3(2Рос-4Лт)614-361

Большой террор 1937–1938 гг.: выбор жертв репрессий (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю)*

В.Н. Разгон

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Great Terror of 1937–1938: Selection of Victims of Repressions (on Materials of Investigation Files of NKVD for the Altai Territory)

V.N. Razgon

Altai State University (Barnaul, Russia)

Изучение материалов архивно-следственных дел показало, что репрессии, проводившиеся на основе приказа НКВД № 00447, имели целенаправленный характер. Выбор жертв определялся их принадлежностью к «социально чуждым» «контингентам, подлежащим репрессии», указанным в приказе, и маргинальным социальным «группам риска». Объектом репрессивной политики являлись также лица, демонстрировавшие в своей актуальной (на момент проведения репрессивной кампании) деятельности нелояльность властям и социально-экономическому строю, формировавшемуся в результате преобразований 1930-х гг. (в аграрных регионах — колхозной системе). Присутствовавший в репрессивной политике фактор произвола и случайности в выборе жертв определялся разрастанием масштабов репрессий в результате необходимости выполнения органами госбезопасности неоднократно повышавшихся контрольных показателей («лимитов») на аресты и осуждения, а также действий «снизу» самого населения, пользовавшегося обстановкой террора для сведения личных счетов и достижения собственных интересов. Большой террор был сложным и многоплановым явлением, содержание которого определялось устремлениями и действиями центрального руководства, региональных и местных властей, а также различных социальных групп населения.

Ключевые слова: массовые репрессии, Большой террор, НКВД, приказ № 00447, Алтайский край, микроистория, Солтонский район.

The study of the investigation files showed that the repressions carried out by the NKVD Order number 00447 were targeted. The choice of victims was determined by their belonging to the “socially alien” “contingent, subject to repression”, specified in the order, and marginalized groups “at risk”. The objects of the repressive policies were also the people that demonstrated in their current (at the time of the repressive campaign) activities disloyalty to the authorities and socio-economic system, formed as the result of the reforms of the 1930s (in rural areas — the collective farm system). The arbitrariness and randomness in the selection of victims of repression were determined by increasing the scale of repression as the result of having to perform “limits” on the arrests and convictions as well as the actions of the population to take advantage of the conditions of terror to solve their problems and achieve their own interests. The Great Terror was a complex and multidimensional phenomenon, the content of which was determined by the aspirations and actions of the central leadership, regional and local authorities, as well as various social groups.

Key words: mass repressions, the Great Terror, the NKVD, the order №00447, Altai region, micro history, the Solton district.

DOI 10.14258/izvasu(2016)4-22

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-01-50116а(ф) «Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937–1938 гг.»

Интерес, проявляемый исследователями к феномену «Большого террора» (как вслед за Р. Конквестом историки называют массовые репрессии в СССР в 1937–1938 гг.), связан с актуализацией в современной историографии изучения политического насилия как одного из важнейших инструментов социалистической модернизации сталинского образца, проводившейся в СССР в 1930-е гг. [1].

Большой террор, которым в исторической литературе обозначают политические репрессии 1937–1938 гг., относится к числу одной из наиболее дискуссионных проблем исторической науки. Дискуссии вызывает вопрос о побудительных мотивах Большого террора — целях, которые преследовало сталинское руководство, развертывая широкомасштабную репрессивную кампанию. Часть исследователей (О. Хлевнюк, Д. Ширер) исходят из того, что этот террор имел целью провести чистку в тех группах населения, которые рассматривались властью как база для формирования «пятой колонны» в случае возможной войны [2; 3, с. 216; 4, с. 208]. В рамках более генерализирующего подхода широкомасштабная социальная чистка, проведенная в эти годы, квалифицируется как заключительный этап реализации планов социальной инженерии, обеспечения условий для построения классово однородного социалистического общества сталинского образца посредством очищения его от социально чуждых элементов (М. Юнге, Р. Биннер, А.Ф. Степанов) [5, с. 244–245; 6, с. 237–248]. Еще часть исследователей (Дж. Гетти, Ю.Н. Жуков) усматривают причинно-следственную зависимость между проведением репрессивной операции по приказу НКВД № 00447 и обеспечением необходимых результатов предстоявших в декабре 1937 г. выборов в Верховный Совет СССР [7, с. 116, 118; 8, с. 3–26]. Некоторые авторы обращают внимание и на социально-экономическую подоплеку массовых репрессий, ставших реакцией власти на огромное количество проблем, вызванных форсированной индустриализацией и принудительной коллективизацией [9; 10, с. 164–170].

Одним из предметов дискуссии является вопрос о том, имел ли он характер вышедшего из-под контроля слепого террора (сторонники подобного подхода пишут о терроре как «стрельбе в толпу» (Дж. Гетти) [7, с. 135], «гигантской рулетке», «вакханалии террора» (М. Щербакова) [11, с. 6–11]) или носил целенаправленный характер, т.е. имел целью изоляцию и уничтожение «социально враждебных элементов» — представителей бывших эксплуататорских классов, остатков кулачества, бывших членов небольшевистских партий, церковников, уголовников и других социальных групп, указанных в качестве целевых контингентов, подлежащих репрессии, в секретном приказе НКВД № 00447 «Об операции

по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» — основном директивном акте периода Большого террора.

Для определения причин и целей массового террора 1937–1938 гг. важное значение имеет исследование механизма выбора жертв репрессий. В настоящей статье данная проблема изучается на основе материалов, раскрывающих проведение массовой репрессивной операции на основе указанного выше приказа НКВД, являвшегося ключевой репрессивной акцией периода Большого террора, в Алтайском крае. В результате передачи следственных дел этого периода из ведомственного архива бывшего Управления КГБ по Алтайскому краю в Государственный архив Алтайского края сформировалась доступная для исследователей документальная база, необходимая для изучения данной проблемы.

Методы исследования: хронологический, сравнительно-исторический, микроисторический анализ. Микроисторический аспект исследования представлен материалами, отражающими проведение репрессий в Солтонском районе Алтайского края, где в ноябре 1937 г. была осуществлена локальная репрессивная акция, изучение которой позволяет конкретизировать представление о действии механизма отбора жертв.

Результаты исследования. Избирательный характер репрессий 1937–1938 гг. определялся включением в приказ НКВД № 00447, давший старт наиболее массовой репрессивной кампании периода Большого террора, перечня «контингентов, подлежащих репрессии»: «бывшие кулаки», «социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях», «члены антисоветских партий», «бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, реэмигранты», уголовники-рецидивисты, «наиболее активные антисоветские элементы» из сектантских активистов и церковников [12, с. 101–105]. При этом наиболее многочисленную целевую группу репрессированных в результате реализации этого приказа составили «бывшие кулаки»: в целом по СССР — 48,6% (372670 из 767397 чел.) [12, с. 598], а в Алтайском крае, являвшемся одним из крупнейших сельскохозяйственных регионов страны, этот показатель оказался еще более высоким: согласно подсчетам, сделанным на основе сведений, содержащихся в протоколах заседаний алтайской тройки, за весь период ее работы с 30 октября 1937 г. по 15 марта 1938 г. по категории «бывшие кулаки» было осуждено 8924 из 13092 чел. (68,2%), а по сводке ГУГБ НКВД, в которой приведены сведения об осужденных алтайской тройкой на 1 марта 1938 г. — 6251 чел., или 51,3% от общего числа лиц, репрессированных в крае к этому времени (12183 чел.) [13, с. 60].

Вместе с тем изучение следственных дел, содержащих в сравнении с протоколами троек и отчетными сводками более детальную информацию, позволяющую судить о критериях выбора жертв репрессий, дает основания для утверждения о массовом искажении в следственных материалах 1937–1938 гг. сведений о кулацком происхождении осужденных, о репрессировании по этой целевой группе лиц, не являвшихся «бывшими кулаками». Так, проделанный нами анализ содержания отобранных на основе 10-процентной выборки архивно-следственных дел на 290 чел., репрессированных в Алтайском крае в августе 1937 г., в октябре–ноябре 1937 г. и марте 1938 г. по категории «бывшие кулаки» (справок райисполкомов, сельсоветов и архивов, на основании которых в ходе реабилитационных мероприятий 1939–1941 гг. и периода «хрущевской оттепели» уточнялось социальное происхождение репрессированных), показал, что около 40% осужденных в годы Большого террора по целевой категории «бывшие кулаки» в период коллективизации не раскулачивались (их хозяйство и имущество не конфисковывались) и не лишались избирательных прав, т.е. в действительности не принадлежали к данной социальной группе. Причем по мере развертывания репрессивной операции с исчерпанием имеющихся у органов НКВД регистрационных списков и агентурных разработок число репрессированных, в отношении которых данные о социальном происхождении искажались (в обвинительных заключениях они проходили как «кулаки», а в ходе реабилитационных проверок выяснялось, что они являлись выходцами из середняцко-бедняцкой прослойки населения), увеличивалось: так, среди осужденных тройкой в период с 5 по 18 августа 1937 г. таковых было 24%, в конце октября–ноября 1937 г. — 30%, а на завершающем этапе работы тройки — 14 и 15 марта 1938 г. — около 70%. Наибольшие масштабы фабрикация следственных дел на «кулаков» приобрела на заключительном этапе операции, когда количество арестов и осуждений возросло из-за необходимости выполнения в установленный срок утвержденных «лимитов» на проведение репрессий.

О массовой фальсификации данных о социальном происхождении репрессированных свидетельствуют показания работников НКВД и руководителей местных органов власти, дававшиеся ими в ходе проведения реабилитационных проверок. Так, по свидетельству сотрудника краевого управления НКВД Н.Л. Баева (1939 г.), во время реализации приказа № 00447 «имело место огульное приписывание кулацкого соцпроисхождения, поскольку сотрудники НКВД гнались за количеством» [14, л. 265]. Многие руководители и работники сельских советов, допрашивавшиеся в процессе реабилитационных расследований, свидетельствовали о давлении,

которое оказывалось на них местными работниками НКВД, с целью побудить к составлению справок, содержащих недостоверную информацию о социальном происхождении арестованных. Так, секретарь Ненинского сельсовета Солтонского района Алтайского края Р. показывал на допросе, проводившемся в 1940 г. в рамках пересмотра одного из дел, по которому в 1937 г. были осуждена группа «кулаков» из 32 чел., что «справки и характеристики писались мною по указанию председателя сельсовета Леонтьева и сотрудников милиции..., по их указанию нужно было писать в справках и характеристиках, что все эти люди *кулаки* (курсив мой. — В.Р.), занимались вредительством и антисоветской агитацией, саботировали в выполнении плана хлебозаготовок, ... несколько написанных мною справок, которые соответствовали действительности, они рвали и давали задание написать новые, говоря, что такие справки и характеристики не нужны...» [15, л. 9]. В результате при реабилитации было установлено, что из 32 осужденных по этому групповому делу, чье социальное положение в обвинительном заключении определялось как «кулак», раскулачивались во время коллективизации только 5 чел., трое являлись «сыновьями кулаков», а остальные происходили из середняков и бедняков (соответственно 21 и 3 чел.) [15, л. 151]. Как показала проверка, проведенная в 1940 г. (в период «бериевской» реабилитации) прокуратурой по делу о контрреволюционной организации, якобы действовавшей в с. Рогозиха Павловского района, из 28 чел., осужденных в 1938 г. тройкой по этому делу, лишь пятеро человек ранее раскулачивались и лишались избирательных прав, хотя почти все осужденные по следственным документам проходили как «бывшие кулаки» [16, л. 346–368, 674–680].

Наибольшие масштабы фальсификация социального происхождения, заключающаяся в приписке кулацкого происхождения осужденным, происшедшим из бедняцко-середняцких слоев, приобретала во время проведения локальных репрессивных операций — таких, как осуществленная в ноябре 1937 г. в Солтонском районе Алтайского края, когда в течение нескольких суток в селах района было арестовано более 200 чел. Колхозы района сорвали планы поставок государству сельскохозяйственной продукции, поэтому краевым руководством было решено провести здесь чистку «контрреволюционных элементов», «саботировавших» госпоставки. В связи с этим работникам местного отдела и специально командированным в район сотрудникам краевого управления НКВД было дано указание срочно арестовать и оформить для передачи на рассмотрение тройки следственные дела на 200–250 чел. По свидетельству местного работника НКВД Чупина, принимавшего участие в про-

ведении этой репрессивной акции, «в большинстве своем из числа этого количества арестовывали середняков и бедняков, в сельсоветах на них брали справки о том, что они — кулаки, лишались избирательных прав и выселялись в Нарым» [17, л. 215].

Вывод о широкой фальсификации данных о принадлежности репрессируемых к наиболее массовой целевой группе приказа № 00447 (операцию, проводившуюся на его основе, чекисты зачастую в обиходе называли «кулацкой») не означает отрицания целенаправленности и избирательности репрессий. Но эта избирательность определялась не только принадлежностью репрессируемых в прошлом к «кулакам» и другим перечисленным в приказе № 00447 «контингентам», но и к другим группам населения, которые можно определить как «группы риска», а также актуальной (на момент репрессий) нелояльностью жертв репрессий к властям и существующему социально-политическому строю.

Одной из таких социальных «групп риска» были лица, имевшие судимость и уже освободившиеся к началу Большого террора из мест заключения. В Алтайском крае это были в основном крестьяне, судившиеся ранее (еще в доколлективизационный период) за невыполнение налоговых обязательств (как правило, по ст. 61 УК РСФСР) или кражу колхозного имущества (по закону 7 августа 1932 г. («закон о трех колосках»)). Однажды проявив нелояльность к советской власти, они и в дальнейшем воспринимались ею как «социально враждебный» элемент. В целом среди лиц, осужденных алтайской тройкой по категории «бывшие кулаки», ранее судимые составляли около 40%, а среди тех, чья принадлежность к кулацкой целевой группе была сфальсифицирована следователями, — почти 60%.

Значительную часть осужденных по категории «бывшие кулаки» составляли лица, имевшие какие-либо «пятна» в биографии, способные поставить под сомнение их политическую лояльность: как показывает изучение сведений, содержащихся в анкетах осужденных, 7% репрессированных по категории «бывшие кулаки» составили бывшие участники антикоммунистических крестьянских восстаний периода военного коммунизма, 11% служили в годы Гражданской войны в колчаковской армии, 4% ранее были исключены из ВКП(б).

Еще одну «группу риска» представляли крестьяне-единоличники. Хотя единоличники и не упоминались в тексте приказа № 00447 как отдельный целевой контингент репрессий, тем не менее они составили 7,5% от общего числа осужденных тройкой при УНКВД Алтайского края по целевой группе «кулаки». По некоторым следственным делам, поступавшим на рассмотрение алтайской тройки, единоличники проходили целыми группами.

Так, на заседании тройки, состоявшемся 24 ноября 1937 г., рассматривалось дело о «контрреволюционной кулацкой организации», якобы действовавшей в селах Камышенка и Александровка Родинского района. Из 12 чел., осужденных тройкой по этому делу, 10 были единоличниками. Представители сельской администрации, составлявшие на них справки в районный отдел НКВД, исходили из того, что это были люди со сложившимся антиколхозным мировоззрением, «чуждые» колхозному строю. По определению секретаря местного сельсовета, «все эти лица считались людьми, не желавшими распротиться со старым единоличным образом жизни» [18, л. 197]. Насильственным устранением единоличников террор способствовал ликвидации остатков нежелательных экономических структур в деревне и, следовательно, упрочению колхозной системы, окончательному завершению процесса коллективизации.

Масштабная социальная чистка, проводившаяся в период Большого террора, включала также очистку населенных пунктов от так называемых деклассированных и социально вредных элементов: лиц, не имевших постоянного места жительства и работы (бродяг, нищих и пр.). Основным орудием репрессий против этой маргинальной категории населения были милицейские тройки, учрежденные для этой цели еще в 1935 г. и значительно активизировавшие свою приговорную деятельность с началом кампании Большого террора [19, с. 212–220]. Но часть дел на представителей этой социальной группы попадала и на рассмотрение троек НКВД: среди жертв алтайской тройки, репрессированных по целевой группе «бывшие кулаки», они составляли около 5%.

Таким образом, можно констатировать, что помимо целевых групп, указанных в приказе № 00447, в ходе проведения репрессивной операции обозначились и социальные «группы риска» (по терминологии, использовавшейся работниками НКВД, они происходили из «социально близкой» к «кулакам» прослойки) [17, л. 214], представители которых на основании сфальсифицированных данных (справок и характеристик, составленных в сельсоветах и правлениях колхозов под диктовку следователей НКВД, «признаний», выбитых физическими истязаниями или угрозами пыток) включались в целевые группы репрессий, в рассматриваемом нами случае в категорию «бывших кулаков». Рекрутирование жертв террора из социальных «групп риска» способствовало его эскалации, придавало репрессиям массовый характер.

Возможность попадания в жернова репрессивной машины определялась не только социальным происхождением и политическим прошлым репрессируемых, но и их актуальным (на мо-

мент проведения репрессивной кампании) поведением, а именно: проявлением нелояльности к власти и социально-экономическому строю, сформировавшемуся в результате проведения сталинской революции «сверху». Сталинское руководство нуждалось в оправдании «прорех» и неудач в выполнении несбалансированных пятилетних планов, трудностей продовольственного снабжения, порожденных насильственной коллективизацией сельского хозяйства и приоритетным направлением средств на финансирование форсированной индустриализации и вызывавших рост социального недовольства. Официальной пропагандой такое положение дел объявлялось результатом злонамеренной «диверсионной» и «вредительской» деятельности, проводившейся на предприятиях народного хозяйства «антисоветскими элементами». Не случайно поэтому указанные в приказе № 00447 целевые «контингенты репрессий» определялись в качестве «главных зачинщиков» «всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности», а целью реализации приказа было «разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства» [12, с. 100]. При этом, как показывает изучение следственных материалов на лиц, репрессированных как «бывшие кулаки», им зачастую приписывалась факты «вредительства», к которым в действительности они не имели никакого отношения. Так, Т.В. Руденко, занимавший в годы Большого террора должность председателя Курского сельсовета Кулундинского района, свидетельствовал на одном из допросов, проводившихся в рамках реабилитационных мероприятий, что следователи в 1937 г. «спрашивали меня о всех фактах падежа скота, нарушениях трудовой дисциплины, убытках, понесенных за перепашку посевов и, не интересуясь конкретными виновниками, записывали в протокол допроса, что это сделано тем или иным арестованным с целью вредительства» [20, л. 186]. В соответствии с инструкциями, которые выдавал своим подчиненным начальник Новокиевского райотдела НКВД Баранов, при проведении допросов они должны были спрашивать у арестованных «какие были недостатки в колхозе, как-то поломка тракторов, падеж скота, какие были пожары и т. д., а после чего писать все ему известные факты как им сделанные в контрреволюционных целях» [21, л. 195].

Вместе с тем в связи с нацеленностью репрессивной кампании, проводившейся в рамках реализации приказа № 00447, на борьбу с «диверсиями»,

«саботажем» и «вредительством», жертвами Большого террора, как показывает изучение архивно-следственных дел, могли стать и конкретные виновники производственных аварий на промышленных и транспортных предприятиях, работники колхозов, на которых возлагалась должностная ответственность за падеж скота, гибель посевов, порчу колхозного имущества и пр. При этом их социальное происхождение следствием фальсифицировалось с целью формального включения в один из указанных в приказе № 00447 «контингентов» репрессий (как правило, в группу «бывшие кулаки»), но действительной причиной их ареста и осуждения являлась их причастность к конфликтам и коллизиям, порождаемым форсированной индустриализацией и насаждением колхозного строя (многие производственные упущения и недостатки имели не только субъективную, но объективную основу и в колхозах, в частности, определялись слабостью материально-технической и финансовой базы).

Обвинения в «диверсионной» и «вредительской» деятельности и «саботаже» (по пунктам 7, 9 и 14 58-й статьи УК) содержатся в обвинительных заключениях почти половины всех осужденных тройкой в период Большого террора в Алтайском крае. Причем если в октябре-ноябре 1937 г. обвинение по пунктам 7 и 9 ст. 58 предъявлялось 39,8% осужденных, в декабре 1937 г. — 51,9%, то в марте 1938 г. — уже 78,1%, т.е. репрессивная операция, проводившаяся в крае на основе приказа № 00447, все больше становилась борьбой с «вредителями» и «диверсантами» [19, с. 52].

Сложившейся в годы Большого террора ситуацией резкого снижения уровня правовой защищенности граждан пользовались и местные руководители разных уровней для укрепления собственной власти и решения задач, направленных на упрочение на низовом уровне экономических укладов, сформировавшихся в процессе модернизационных преобразований 1930-х гг. В аграрных регионах большую активность в этом отношении проявляла местная администрация, представленная руководством районов, сельсоветов и колхозов, заинтересованным в организационном и производственном укреплении находившейся в стадии становления колхозной системы. В следственных делах и других источниках отложилось немало обращений и представлений, направлявшихся в органы НКВД районными партийными и советскими работниками, активистами сельсоветов и руководителями колхозов с просьбами о привлечении к ответственности колхозников, игнорировавших общественное производство и занимавшихся промыслами, нарушавших трудовую дисциплину, расхищавших колхозное имущество и допускаявших его порчу и т.д. Не случайно более 40% всех официальных свиде-

телей (195 из 445 чел.), проходящих по изученным нами архивным делам, попавшим в выборку, составляли те или иные представители сельской администрации (председатели и секретари сельсоветов, председатели колхозов, руководители ревизионных комиссий, бригадиры, заведующие фермами и др.).

В ряде случаев осуществлявшаяся местными властями эскалация репрессивных мер принимала такие формы и масштабы, что могла привести не к укреплению, а, наоборот, к дезорганизации колхозного производства. Так, руководством районного земельного отдела Солтонского райисполкома была разработана и частично реализована инструкция о проведении обследования колхозов района с обязательным приложением к справке, составлявшейся по его итогам, списка «врагов народа» и «вредителей». В некоторых колхозах в такие списки включались по 10–12 чел., в результате, как указывалось в одном из выступлений на пленуме райкома ВКП(б) 11 сентября 1939 г., «в данное время ни одна сотня работников не выходит на работу, ожидает, когда их арестуют» [22, л. 14].

Впрочем, положение местной элиты, внесшей весомый вклад в эскалацию террора, также не было неуязвимым. Характерная в целом для периода становления колхозной системы частая сменяемость сельских руководителей нижнего звена (председатель сельсоветов и колхозов) в период Большого террора усугублялась получившей распространение практикой переквалификации совершаемых ими должностных упущений и преступлений (срыв хлебозаготовок, падеж скота, хищение финансовых средств и пр.) в политические, основанные на обвинении во «вредительстве» и «подрыве» колхозного производства, влекущие осуждение по ст. 58 УК. В частности, председатели колхозов могли стать объектом репрессий как по представлению районного руководства в случае невыполнения плановых заданий по поставке сельхозпродукции, так и доносов колхозников, с которыми они нередко конфликтовали на производственной почве, побуждая их к труду административными методами в условиях отсутствия необходимого материального стимулирования. Так, по сведениям, приведенным в выступлении на пленуме Солтонского райкома ВКП(б) (11 сентября 1938 г.) местным прокурором Хорошавиным, в течение 1937–1938 гг. в районе было арестовано и осуждено до 50 представителей колхозного руководства [22, л. 17], что составило около 10% от общего числа репрессированных жителей района.

Целенаправленность репрессивной политики периода Большого террора не означала отсутствия произвола в выборе жертв репрессий, обусловленного стремлением репрессивных органов выполнить в установленные сроки спускаемые сверху в виде

«лимитов» контрольные цифры арестов и осуждений, а также субъективными действиями представителей местных властей и самого населения, обусловленными не только производственными противоречиями, но и мотивами личной неприязни, бытовых склок, конфликтов и пр. Произвольность в выборе жертв репрессий повышалась за счет широкого распространения в период Большого террора такого явления, как доноительство. Однако значительная часть доносов также порождалась конфликтами на производственной почве и социальными противоречиями в деревенской среде, уходившими корнями в дореволюционное время (между зажиточными крестьянами и выходцами из бедняцко-батрацких слоев) или период Гражданской войны (между бывшими партизанами и участниками Белого движения) [23, с. 100–103].

Степень произвола и случайности в выборе жертв возрастала в случаях проведения репрессивных акций, локальных во временном и территориальном измерениях, — таких, как описанная выше акция, проведенная в ноябре 1937 г. в Солтонском районе. Массовые аресты, осуществлявшиеся во время этой акции, не основывались на предварительно полученных органами госбезопасности компрометирующих материалах. Сотрудник райотдела милиции Б., направленный для организации арестов в с. Карабинка одноименного сельсовета, показывал на допросе в 1954 г., что «персонально, кто должен быть арестован, данных не давали — это должен был решать самостоятельно каждый сотрудник, посланный для ареста. <...> Когда я приехал в Карабинский сельсовет, вызвал председателя Д. и сказал ему, что мне поручено арестовать по сельсовету 50 человек. <...> Мы собрали актив сельсовета человек 7 и стали обсуждать кого можно арестовать. В результате набрали 35 человек... Кандидатур на арест подбирали по признакам связей с кулаками, в прошлом судимых за какие-либо преступления, плохо работающих в колхозе...», а «отдельные активисты села использовали репрессивную волну, чтобы свести личные счеты» и «для ареста называли лиц, с которыми они находились в неприязненных отношениях, и сообщаемые ими сведения для ареста носили склочный характер» [24, с. 619–620].

Таким образом, репрессивная кампания, проводившаяся на основе главного репрессивного директивного акта периода Большого террора — приказа НКВД № 00447, имела целенаправленный характер. Экстраординарность социальной чистки 1937–1938 гг. определялась стремлением ускорить создание мобилизационной модели социума и экономики в преддверии предстоящей войны. Выбор жертв террора определялся их принадлежностью к обозначенным в приказе № 00447 «контингенту»

там, подлежащим репрессии», а также к маргинальным социальным «группам риска» (лица, имевшие в прошлом судимость, без определенных занятий и места жительства и др.), не указанным в этом документе, но из которых, тем не менее, с регулярностью рекрутировались жертвы террора. Помимо этого, с высокой степенью вероятности стать объектом репрессий могли лица, своим актуальным (на момент репрессий) поведением демонстрировавшие нелояльность местным политическим и хозяйственным элитам и социально-экономическим порядкам, складывавшимся в результате проводившихся в 1930-е гг. модернизационных преобразований. В аграрных регионах, в частности, репрессии периода Большого террора активно использовались властями как инструмент укрепле-

ния переживавшего период становления колхозного строя. Присутствовавший в репрессивной политике фактор произвола и случайности в выборе жертв определялся разрастанием масштабов репрессий в результате необходимости выполнения органами госбезопасности неоднократно повышавшихся контрольных показателей («лимитов») на аресты и осуждения, а также действий «снизу» самого населения, пользовавшегося обстановкой террора для сведения личных счетов, решения бытовых конфликтов. Это позволяет характеризовать Большой террор как сложное и многоплановое явление, содержание которого определялось устремлениями и действиями центрального руководства, региональных и местных властей, а также различных социальных групп населения.

Библиографический список

1. Кип Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. — М., 2009.
2. Хлевнюк О.В. 1937. Сталин, НКВД и советское общество. — М., 1992.
3. Ширер Д. Государственное насилие, репрессия и вопрос социальной инженерии в Советском Союзе в 1920–1950 гг. // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий : материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. — М., 2013.
4. Карпачев С.А. Международная научная конференция в Париже о сталинском «Большом терроре» // Российская история. — 2009. — № 1.
5. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. — М., 2003.
6. Степанов А.Ф. Политические репрессии, Большой террор 1937–1938 гг. как средство социальной инженерии // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий : материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. — М., 2013.
7. Getty J.A. “Excesses are not Permitted”: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // Russian Review. — 2002. — Vol. 61. — № 1.
8. Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 года // Вопросы истории. — 2002. — № 1.
9. Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956). — Кемерово, 2009.
10. Разгон В.Н. Политическое насилие как фактор модернизационных преобразований в деревне в 1930-е годы (на материалах Алтая) // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX — начале XX в. — Вып. 3. — Томск, 2011.
11. Щербакова М. 1937 год и современность // Тезисы «Мемориала». — 2007. — 30 окт. — № 74.
12. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. — М., 2008.
13. Трагедия советской деревни: Документы и материалы. — Т. 5. — Кн. 2. — М., 2005.
14. Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края (далее — ОСД ГААК). — Ф. Р-2. — Оп. 7. — Д. 5700. — Т. 8.
15. Информационный центр ГУ МВД России по Алтайскому краю. — Ф. 9. — Оп. 29. л/с. — Д. 576.
16. ОСД ГААК. — Ф. Р-2. — Оп. 7. — Д. 7547.
17. ОСД ГААК. — Ф. Р-2. — Оп. 7. — Д. 4637.
18. ОСД ГААК. — Ф. Р-2. — Оп. 7. — Д. 6574.
19. Большой террор в Алтайском крае 1937–1938 гг. Реализация приказа НКВД № 00447. — Барнаул, 2014.
20. ОСД ГААК. — Ф. Р-2. — Оп. 7. — Д. 4133. — Т. 2.
21. ОСД ГААК. — Ф. Р-2. — Оп. 7. — Д. 9097.
22. ГААК. — Ф. П.-44. — Оп. 2. — Д. 181.
23. Разгон В.Н. Репрессии против «бывших кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. — М., 2009.
24. Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. — Барнаул, 2010.